

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА ДОЛЖНА ВОСПИТЫВАТЬ СЕЛЬСКОГО ТРУЖЕНИКА

Общественные слушания в Государственной думе Федерального собрания РФ

Перед началом учебного года в Государственной думе РФ при активном участии журнала «НО» прошли общественные слушания по теме «Сельская школа как производственно-технический и социокультурный центр». В них приняли участие учителя, учёные, руководители органов управления образованием, общественные деятели, политики. Председательствовал заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке, председатель центрального Совета общественного движения «Образование для всех» Олег Смолин. Открывая слушания, он отметил, что образование — проблема общенациональная, а не сфера ответственности той или иной партии. Предлагаем вашему вниманию краткий репортаж об этом событии.

Своё выступление **Олег Николаевич Смолин** начал с сообщения о новом законодательном акте, касающемся всего населения России:

— По иронии судьбы именно сегодня Государственная дума приняла во втором чтении Закон «Об обязательном среднем образовании». При этом новый закон практически ничего не говорит о том, какие условия должно создать государство и органы местного самоуправления для того, чтобы дети могли получать полное среднее образование.

Перед сегодняшними слушаниями Комитет Госдумы по образованию и науке запросил информацию в Правительстве Российской Федерации, из которой мы узнали, что с 2003/04 учебного года в России закрыто 1915 общеобразовательных сельских школ. Это не только вопрос права сельского ребёнка на образование, это вопрос о развитии человеческого капитала России. К сожалению, несмотря на экономический рост, наша страна по уровню человеческого капитала занимает 65-е место в мире. Поэтому проблема, которую мы сегодня обсуждаем, это и вопрос национальной безопасности страны. Уже стало банальностью: когда исчезает сельская школа — исчезает село, когда исчезает село, увеличивается территория без людей. Очень не хотелось бы, чтобы сбылся прогноз Владимира Набокова: «Россия может разделить судьбу

Древнего Рима: культура останется, а народ исчезнет».

В слушаниях принимают участие люди, которые знают, как решать проблему. Цель слушаний — представить позитивный опыт и возможные пути решения проблемы сельской школы: превратить её в основу возрождения и развития села.

Слово **Марине Гурьяновой**, заместителю директора по науке Института социально-педагогических проблем сельской школы Российской академии образования, доктору педагогических наук:

— Наш институт провёл исследование по теме «Перспективы развития сельской школы России». Как известно, с 2001 года началась реструктуризация сельских школ. Что получили школы в итоге? Наше исследование показывает, что часть сельских школ действительно за эти годы совершила прорыв в области инновационных технологий, компьютерного обеспечения, развития здоровьесберегающих способов обучения, активизировала взаимодействие с сельским социумом. В то же время значительная часть сельских школ, особенно малочисленных, все эти годы жила в ожидании закрытия. Исследование (а мы охватили около 600 сельских школ из 28 регионов России) показало, что главная проблема заключается в неопределённости ближайших перспектив сельской школы. Неблагоприятная демографическая ситуация, старение педагогических кадров, переход на подушевое финансирование, ограниченность средств на развитие материальной базы, отсутствие внебюджетных источников финансирования — всё это затрудняет деятельность сельских школ. Сложные проблемы воспитания и обучения школе не под силу решать в одиночку, ибо воспитание молодого поколения — задача всего общества. Поэтому свою деятельность школа выстраивает на основе взаимодействия, интеграции с другими структурами. На базе школ функционируют социокультурные, соци-

ально-педагогические, социально-оздоровительные, производственно-трудовые центры.

Сельская школа не может оставаться прежней. Сокращение численности сельских школ, реорганизация их сети, объединение — это объективный процесс. Вместе с тем мы твёрдо стояли и всегда будем стоять на такой позиции: форсирование закрытия малочисленных школ губительно для образования. Создание крупных образовательных центров не может быть взято за основу в масштабах страны. Это совершенно неприемлемый вариант для Сибири и Дальнего Востока, где большие расстояния и суровые климатические условия. Это неприемлемо и для многих центральных регионов России в силу бездорожья, транспортных проблем и неоправданных финансовых затрат.

Нужна более активная позиция Министерства науки и Министерства сельского хозяйства в решении проблем сельских школ, в организации трудовой, допрофессиональной и профессиональной подготовки сельских школьников, их профильного обучения.

Сельская школа — базовое звено формирования интеллектуально-трудового потенциала сельского социума. Абитуриенты аграрных вузов — сельские выпускники. Но, проручившись в институте, получив профессию, только 20% выпускников-бюджетников Тимирязевской сельхозакадемии едут работать в село.

Федеральная программа развития образования, этот основополагающий документ государственной образовательной политики, к сожалению, не имеет раздела, посвящённого сельской школе. Она не решит вопросы профильной подготовки, если государство, бизнес-сообщество, работодатели не подключатся к их решению.

Председательствующий Олег Смоленский предоставляет слово **Алексею Кушнину**, главному редактору журнала «Народное образование»:

— Для редакции «Народное образование», которая выпускает ещё и журнал «Сельская школа», проблема слушаний является повседневной болью, криком души, предметом постоянных обсуждения и в коллективе, и на страницах журналов. Мы этой темой живём, она для нас жизненно важна. Любая редакция — это перекрёсток мнений; мы в курсе того, что происходит, о чём люди говорят, чем встревожены, чему радуются. Осмысление проблем сельской школы привело к определённой сдвигу в понимании её судьбы в России.

Наш президент озвучил демографическую проблему как целевую задачу государства на ближайшее десятилетие. Нигде в мире — в развитых странах и в неразвитых — проблемы демографии не были решены только с помощью финансовой поддержки семьи. Во всём мире они решаются преимущественно за счёт села. Никакой другой технологии воспроизводства населения нет в мировой цивилизации. Поэтому первая наиважнейшая специфическая функция сельской школы — воспитать в детях готовность и способность оставаться сельскими жителями со всеми отсюда вытекающими следствиями, в т.ч., демографическими. Президент поставил задачу, но ни один педагогический НИИ не подумал, как нужно изменить программы, что написать в учебниках, каким образом переделать учебные курсы, чтобы школьник стал мечтать о своей семье, о трёх-четырёх ребятишках, о том, как он поставит их на ноги. Ни одного текста, ни одной публикации, несмотря на все наши попытки найти таких авторов. Педагогическая наука снова оказывается на задворках актуальной проблематики и политических инициатив.

У сельской школы есть ещё одна специфическая задача. Именно у русской сельской школы. Эта функция не очень актуальна для других государств мира, для многих вообще не актуальна. А для нашей страны наиважнейшая актуальнейшая задача — удержание огромных

территорий. Мы добровольно уходим из огромных пространств Сибири, Дальнего Востока, оголяем эти земли. В связи с этим уменьшение сети сельских школ под любым благовидным предлогом является подрывным, диверсионным действием, направленным на сворачивание присутствия России, русской цивилизации, русской культуры на этой территории. Любое подобное действие под предлогом повышения качества образования — преступление против тысячелетней истории России. Альтернативы закрытию школ есть, но они даже не обсуждаются. Причём в финансовом отношении это не затратные альтернативы. Хотя напомним: после войны в стране нашлись деньги расширять сеть сельских школ, а у нас денег почему-то на это нет. Почему — не понятно.

Ещё одна важная функция сельской школы — воспроизводство специфических производительных сил и производственных отношений. Сельское производство вопреки сложившимся стереотипам может быть сверхрентабельным, что позволит молодёжи жить там, где родились, быть успешным. Миллиардные обороты даёт, например, кедровый орех. Это целая индустрия. Раньше мы его не видели, а сегодня он в разнообразных видах продаётся по всей стране, по всему миру.

А сколько саженцев сибирских могло бы идти на мировой рынок! Сколько дикоросов могло бы быть собрано! Но кто развивает эту инфраструктуру? Кто делает сельского школьника сельским жителем, умеющим жить эффективно, богато, работать рентабельно? В одной из деревень Иркутской области меня потрясло отношение учителей к двум подросткам, которые не смогли закончить школу, перейти в 9-й класс. Учителя считают их идиотами, а у этих «идиотов» — золотые руки, они строят пятистенные здоровенные избы. Им тогда было по 18 лет, но они уже были богатыми людьми. Цель любой школы, а сельской особенно, — учить не только математике, истории и т.д.,

**Россия может
разделить судьбу
Древнего Рима:
культура останется,
а народ исчезнет.**

Владимир Набоков

а учить жизни, воспитывать сельского жителя. Но нашлись «умники» в нашей системе образования и в педагогической науке, которые достаточно давно сделали сельскую школу городской. И она работает исключительно «на экспорт», на выталкивание ребёнка из сельского социума. Это всё связано с серьёзными именами. Может, пора уже эти имена назвать и сказать этим деятелям: «Хватит оголять деревню натаскиванием сельского ребёнка на всякие умозрительные, исследовательские и прочие «проекты», которые в этом социуме ребёнок никогда не сможет осуществить в том виде, как ему предлагают в школе». А вот жизненных сюжетов на реальные сельские темы детям села почему-то программа не предлагает.

В вузы поступает меньшая часть выпускников сельских школ. Но почему же мы 100% детей дезориентируем, направляя их жизненные помыслы в область самореализации, совершенно не связанную с тем, с чем молодой человек в жизни реально столкнётся?

Методологически, на уровне идеологии и экономики сельская школа свою задачу сегодня не выполняет. Недавно на слушаниях в Общественной палате по проблемам информатизации было озвучено: 100 миллиардов истрчено, а в стране нет национальной программы информатизации образования. На реструктуризацию сети сельских школ тоже потрачено немало. Вы знаете, с каким удовольствием мы тратим деньги на школьные автобусы, бегающие по российскому бездорожью. Покажите хотя бы один пример, когда использование этих средств позволило сохранить школу, расширить сеть сельских школ, повысить в них качество обучения. Такие примеры есть, но не благодаря, а вопреки. То, что происходит с сельской школой, — это откровенное сворачивание нашего присутствия на своей земле, нашей цивилизации на наших территориях. Кто-то эту работу очень активно лоббирует, и очень хотелось бы

назвать этих «авторов» и пригласить их «на сцену»...

Голос из зала: «А может, это просто управленческая дурь?»

— Может быть. Дурь каждого должна быть видна. Но вы посмотрите, насколько трудно добраться хотя бы до одного Минобразовского документа под названием «НИРовский отчёт». У нас тратятся огромные деньги на различные исследования. Но результаты этих исследований никому из работников образования не доступны. Они где-то специально «теряются»...

Образовательная политика на селе носит сегодня пораженческий характер. И никакой Интернет, никакая компьютеризация сельских школ не сделают сельского ребёнка сельским жителем. Последние 15 лет активно разрабатывалась идея школы как социокультурного центра села. Это от безысходности, потому что в селе уже все другие инфраструктуры развалены. Но это был важный этап, который позволил увидеть школу в межведомственном пространстве. Закономерно, что эта концептуальная разработка не защитила сельскую школу от дальнейшего уничтожения. Вдумайтесь в ситуацию: деревенский житель не может себя прокормить. Это не вопрос деградации производительных сил или технологий, это вопрос деградации культурно-ценностной составляющей ментальности сельского населения: люди утрачивают связь с источниками и фундаментами сельской жизни. Постоянно выталкивая лучших выпускников из села, понятно, какое качество человеческого капитала мы там оставляем. Остановить эту пагубную тенденцию можно только вооружая детей способами производственной деятельности в новых условиях, стремлением к жизни самого высокого уровня. Выпускник сельской школы однозначно должен знать, что если он останется на селе, то через 7–8 лет станет рублёвым миллионером, а через 15 — и долларовым. Это нормально, достижимо для трудолюбивого человека, живущего на земле. В наших конкурсах

Постоянно выталкивая лучших выпускников из села, понятно, какое качество человеческого капитала мы там оставляем. Остановить эту пагубную тенденцию можно только вооружив детей способами производственной деятельности в новых условиях, стремлением к жизни самого высокого уровня.

имени А.С. Макаренко (а их проведено уже пять) участвуют школы, воспитывающие успешную молодёжь. В рамках Макаренковских чтений идёт интенсивный обмен мнениями и технологиями производственной жизни на селе.

Как показал опыт школ-участников конкурса, сельская школа с контингентом в 45–50 ребятишек — малокомплектная школа — способна зарабатывать достаточно, чтобы компенсировать недостаток бюджетного финансирования, который возникает из-за того, что на одного ребёнка нельзя дать больше определённой суммы. Но наши реструктуризаторы умудряются закрывать и такие самостоятельно зарабатывающие школы.

Мы не устаём костерить КПСС за молотообразное навязывание готовых решений. Но нынешняя ситуация не лучше. Сегодняшняя «обязаловка» носит просто идиотский характер! Школа-хозяйство, воспитывающая трудолюбивого человека и хозяина, как альтернатива «школе ума», воспитывающей хорошо говорящих бездельников, не рассматривается. А ведь школы, которые сегодня зарабатывают деньги, делают это не ради заработка, а ради подлинного воспитания. **Без повседневной занятости делом воспитать «привычку к труду городской» нельзя.** Привычка делать уроки не вырабатывает потребности и способности трудиться. В психологии нет данных о том, что привычка учиться автоматически перерастает в привычку трудиться. Привычки вырабатываются делом, а не разговорами о деле.

Только повседневный труд, причём образцовый, воспитывает дельного человека, ставит его на ноги, делает дееспособным. Образцовый труд! В сельской школе, в первую очередь, да и в городской нужна инфраструктура и организация образцового труда. Представьте: школа — малый технопарк, в котором действует производство на основе высокоэффективных, рентабельных технологий. На Международном конкурсе им. А.С. Макаренко с помощью перво-

классных специалистов мы вооружаем школы такими технологиями: килограмм картофеля — 3 рубля оптом, а семенного — 35–40 рублей за килограмм, школы переходят на выращивание семян, на «тонкую» агротехнику. Ковровский предприниматель Сергей Степанович Конин бесплатно знакомит всех желающих с вермитехнологией, дающей до 600% рентабельности. Плюс увеличение урожайности в результате применения гумуса, полученного с помощью дождевых червей. Технологии, способные создать на селе индустриальную среду принципиально нового типа, нового поколения, известны, используются. Но наша система образования даже и не ставит вопрос о том, что на основе этих технологий надо воспитывать трудоспособных людей, что в школе должна быть инфраструктура образцового труда.

В среднем миллион рублей стоит реструктуризация одной школы — автобус купить, дороги отремонтировать и так далее. Если на этот миллион купить итальянский станок, который из местного сырья произведёт тысячу-другую тонн продукции, нужной людям, школа заработает миллион или десять в квартал. Таких денег хватит, чтобы удовлетворить все насущные желания. Никакой президентский грант тогда не нужен. На школу с тысячей детей дают миллион рублей и считают, что её осчастливили! Да это позор! На нашу голову это позор и не надо этим хвалиться. Этих денег не хватит на то, чтобы крышу перекрыть... В ежегодном выпуске журнала, посвящённом итогам конкурса им. Макаренко, мы даём палитру способов производственного воспитания и финансового благополучия. Полагаем, что сельские малокомплектные школы надо укреплять. Средства на это есть. Если кто-то не знает, как это сделать приезжайте на очередной конкурс, мы научим и покажем. Покажем с помощью тех директоров школ, кто это успешно делает.

И это странно, по меньшей мере, что отраслью руководят люди, у которых

**Кто «заказал»
сельскую школу?**

нет иных решений, кроме как закрывать школы. Они видят только одну — образовательную — функцию сельской школы. Такие — секвесторные — решения ведут к деградации не только школы, села, но и русской цивилизации с её многоукладностью, многокультурностью, вековыми традициями плодотворного труда на земле...

Слово предоставляется профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, лидеру движения «Альтернатива», заместителю председателя движения «Образование для всех» **Александр Бузгалину.**

— Ситуация в образовании катастрофическая. Что-то где-то немного улучшается. Но очень плохими методами, очень неумело. В основном так, чтобы большую часть ресурсов можно было «по пути к месту назначения» использовать отнюдь не для развития образования, а попросту — украсть. Есть такой термин — *разводить*. Вот у нас население хотят разводить, как кроликов, — лишь бы было больше. Его «разводят», как «лохов». Я умышленно употребляю на парламентской трибуне этот сленг. В этих условиях спокойная постановка проблемы, на мой взгляд, не выдерживает критики. Давайте постараемся как эксперты, как специалисты от практики и от науки понять: чего мы хотим от развития села и сельской школы? В зависимости от ответа на вопрос о целях, мы получим и средства. Ответ первый: мы хотим обеспечить поставку в город дешёвой низкоквалифицированной рабочей силы. Это оставит в деревне ещё меньше людей, а в городе будут приехавшие из российской «глубинки» дворники, слесари, сантехники, домработницы, прислуга и так далее. Политика, которая проводится сегодня, реализует именно эту задачу.

Второй вариант ответа — почвеннический, патриотический, государственный. **Мы хотим сохранить сельскую школу и село для того, чтобы сохранить**

традиционный образ жизни, чтобы сохранить российские территории и людей, на них проживающих.

Третья постановка вопроса: мы хотим сохранить сельскую школу и село, чтобы создать постиндустриальную деревню. Современная наука считает, что будущее принадлежит сельской жизни, в которой утвердятся высокие технологии, каждая семья сможет производить продукции столько же, сколько производит семья в Голландии, где 3–4% населения кормят всю страну, да ещё и экспортируют продукты питания, сырьё для лёгкой промышленности и так далее. 3–4% населения достаточно для этого.

Остальные могут и будут жить на селе. Но не для того, чтобы вручную выращивать картофель, это издевательство над людьми, ещё худшее, чем делать из сельских жителей дворников в городе. Они должны быть специалистами высокого класса, выращивать элитные семена или разводить особый тип скота, который ценится как «ноухау». Высокопородный скот — такая же ценность, как программное обеспечение. Производитель такого скота — то же самое, что разработчик программного продукта. Кстати, и то, и другое можно делать в любой деревне — в сибирской, индийской, так же, как в Москве или в Нью-Йорке. Опыт Антона Макаренко доказал, что все люди талантливы по своему. У него в колонии все участвовали в управлении, все придумывали что-то новое, из всех получились удивительные люди, а ведь там были собраны низы общества, бывшие уголовники. Из этих «уроков» Макаренко сделал людей творческих. Собственно они сами из себя это сделали. Макаренко только создал для этого условия.

И возникает совершенно другая постановка вопроса: нам нужно сохранить село и сельскую школу, чтобы там воспитывались люди, достойные XXI века. Для этого есть ресурсы. Важно, чтобы человек хотел бы и был способен заниматься разным трудом — творческим, сель-

скохозийственным, интеллектуальным. Тогда в деревне ему интересно трудиться и жить.

Есть и другая модель — создавать детские дома-коммуны с трудовым воспитанием в самых различных формах. Такие школы воспитывают квалифицированного рабочего конца XIX — начала XX века. Сейчас нужно открыто говорить о том, что мы считаем необходимым, как оцениваем президента, правительство, правящую фракцию в Государственной думе, политику Министерства образования и науки. Нужна серьёзная дискуссия по поводу того, чего мы хотим. Нужны общественные, государственные, партийные, медийные — любые структуры для того, чтобы об этом широко говорить и достигать цели.

Слово предоставляется **Якову Турбовскому**, доктору педагогических наук, председателю Совета директоров общеобразовательных школ России, члену Центрального совета движения «Образование для всех»:

— На наших слушаниях присутствует немного людей, и это свидетельствует о том, что проблема сельской школы вытеснена на периферию общественного сознания. К тому же даже между теми, кто здесь собрался, нет единого понимания проблемы. Мы обсуждаем, по существу, две проблемы: судьбу сельской школы и роль производительного труда. Сегодня нужна государственная программа поддержки сельской школы, гарантирующая ей равноправное положение в обществе. А что происходит сейчас в сельской школе? Результаты исследований состояния чтения в сельских школах свидетельствует: в сравнении с городскими сельские дети в три раза хуже читают, слабее учатся. Если в этих условиях мы ещё предложим детям дополнительный труд, то отбросим то, ради чего существует школа. Директора школ, участники конкурса им. Макаренко говорили о том, что это идёт в ущерб образованию. Учебная деятельность сама по себе тяжелейший труд, и это надо понимать.

Если мы хотим удержать сельскую школу, то надо менять условия жизни в селе.

Сейчас кому-то удаётся стать успешным, кому-то нет. Там, где появляется миллионер, на него будут работать много «немиллионеров». Другого пути наживания миллионов в сельской ли, в городской местности не существует. И мы очень скоро столкнёмся с тем, что начнётся борьба против эксплуатации человека человеком. Уже сейчас у многих рабочих ненормированный рабочий день, и нет законодательных ограничений по этому поводу.

Противопоставлять учебный труд физическому, производительному труду не имеет смысла. А вот найти место производственного труда в содержании образования — это разумно. Считаю, что министерство не имеет права проводить эксперименты, их должна осуществлять наука.

Нам нужны рабочие руки, но в любом деле люди должны видеть не ограничения своих социальных возможностей, а свою творческую реализацию. Никто не сказал, что токарь, слесарь, механикатор по своему уровню, по своей самореализации ниже, чем любой научный сотрудник. **Надо предоставить сельской школе гарантированное государственное обеспечение и возможность воспитывать трудового человека.**

Проректор Института повышения квалификации работников образования Курганской области **Нина Криволапова** продолжила тему:

— В нашей области сельские школы составляют 84%, сельских школьников гораздо больше, чем городских. Мы активно занимаемся профильным обучением, которое тесно связано с производительным трудом. Но сельская школа и сегодня оказалась не в равных условиях с городской, в возможности предоставить ребятам полноценное профильное обучение. В области разработаны и реализуются два проекта — региональный

подход к организации профильного обучения и проект «Профессиональное самоопределение». Производительный труд организуем не только для улучшения финансирования школ, но и для ориентации учащихся на работу в своём селе.

Чтобы реализовать эти задачи, мы пошли по пути интегрирования ресурсов. Привлекли учреждения профессионального образования. У нас 56% профучилищ — сельские. Привлекли также учреждения среднего и высшего профессионального образования, работодателей, частных предпринимателей бизнес-сообщества, создали научно-образовательные центры, где кооперируются ресурсы школы, сельскохозяйственных профучилищ, учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования. Думаем, что всё это поможет селу лучше жить, а сельхозпроизводству стать прибыльным, рентабельным. Создали для этого учебные фирмы с помощью различных предприятий. Активно приживаются у нас учебно-технологические объединения, интегрирующие ресурсы начального и среднего профессионального образования, работодателей.

Сегодня в области, примерно, 55% сельских школьников совместно с городскими участвуют в производительном труде, но не только для того, чтобы заработать деньги, а для допрофессиональной и профессиональной подготовки, с целью выбрать будущую профессию. Работодатели помогают нам в этом, так как видят в школьниках свои завтрашние кадры.

Пытаемся максимально сохранить сельские школы, хотя процесс реструктуризации идёт. Идёт, может быть, медленнее, чем где-либо, но и у нас процент сельских школ уменьшился с 85,7 до 84. Есть школы, которые по объективным причинам закрываются. Но там, где есть возможность сохранить школу, мы организуем в ней профильное обучение на основе индивидуальных учебных планов, индивидуальных образовательных программ, вводим очно-заочные дистан-

ционные формы обучения. Конечно, всё это должно иметь надёжную государственную поддержку.

Если в школе старшеклассники получают сельскохозяйственные профессии, они вернутся в село. А если мы школу закрываем, они уезжают в город навсегда.

Алексей Кушнир в реплике высказывает мысль о том, что профилизация на селе ведётся теми же методами — «школы ума», школы учёбы. А нужен принципиально другой тип школы — производственный. Нужна школа, которая является производящим субъектом, зоной успешности, зоной высокой рентабельности и местом образцового труда даже для взрослых. На ферме в колонии Макаренко была идеальная чистота, в цехах у Макаренко работали современные станки, и он ставил к токарным станкам ребят творческих и нетворческих, делал их трудоспособными. А потом они сами выбирали, кем стать — артистом, разведчиком или инженером. Перепрыгивать стадии развития психики и интеллекта недопустимо. Интеллект опирается на ручную деятельность как на фундамент. Та профилизация, что осуществляется теоретическими методами (дети под диктовку пишут, как вести сварку), ничего хорошего не даст ни в общеобразовательном, ни в профессиональном плане. Два часа в неделю такой профилизации — это профанация...

В Арзамасском пединституте им. А.П. Гайдара двадцать лет действует лаборатория дидактики сельской школы. Её профессор, доктор педагогических наук **Михаил Зайкин** берёт слово:

— Я не считаю, что всё так уж плохо в сельской школе. В Арзамасском районе я не знаю ни одной сельской школы, которая плохо бы учила и воспитывала детей. В школах района созданы драматические театры, прекрасные спортивные секции, хорошо поставлено во многих школах трудовое обучение. Но проблем, конечно, много.

Поражает бедность многих зданий.

А есть и огромные здания, рассчитанные на 300–400 человек, в которых обучаются 35–40 школьников. Туда стягиваются постепенно и почта, и медпункт, и клуб, и сельский совет. Школа естественным образом становится социокультурным центром. Меняется сегодня социум и школа меняется. Не стало больших колхозов и совхозов, и школа стала маленькой — малочисленной. Но она продолжает выполнять свои функции.

В нашей лаборатории реализован такой вариант профилизации — углублённое изучение предметов на основе внутриклассной дифференциации. Мы получили диплом Министерства образования и науки за этот проект. Несколько малочисленных школ работают по нашей технологии.

Мы сегодня много говорим о преимуществах образования с помощью школьного автобуса. Но ведь при этом реализуется только одна функция — обучение. О воспитании при приезде-отъезде в школу и из школы говорить не приходится. Да и опасно это: мы знаем, какие в России дороги и какая культура вождения на этих дорогах...

Сергей Комков, президент Всероссийского фонда образования, академик Российской академии естественных наук:

— Мы обсуждаем формы деятельности сельской школы. А проблема совершенно в другом. Сегодня основной вопрос — государственное отношение к сельской школе. На вооружение взята опасная доктрина в отношении сельской школы, которая приведёт фактически к крушению государства. Реструктуризация сельской школы как один из аспектов модернизации российского образования — не просто научная ошибка или чей-то управленческий просчёт. Это звено целостного плана по уничтожению государства. Не вдаваясь в политические нюансы, мы тем не менее не должны забывать о том, что в России уже не первый год осуществляется большой

и очень серьёзный проект, который называется «Русским проектом». Он утверждён в 1987 году Конгрессом США, на него ещё в те годы выделено 350 миллионов долларов, финансирование постоянно пополнялось. Одна из важнейших составных частей этого проекта — реформирование различных звеньев социальной жизни нашего государства. В том числе — реформирование системы образования. Всё, что сделано за последние 15 лет в рамках его модернизации, практически работает на развал российской системы образования, на развал социальной сферы государства, что приведёт к его уничтожению. Далеко за примерами ходить не надо. Мы прекрасно понимаем, какие мировые процессы сегодня происходят. При глобальном потеплении происходят мощные климатические изменения на земном шаре, огромные территории попадают в зону риска — станут зоной будущего затопления, засухи и так далее. В первую очередь этому будут подвергнуты территории Западной Европы. В эту зону попадают и Соединённые Штаты Америки. Территория нашего государства через некоторое время станет климатически самой благоприятной на земном шаре. Поэтому задача, которую ставят сегодня «наши друзья», очень проста: освободить эти территории от лишнего населения, подготовить к будущему переселению сюда новых людей и сделать так, чтобы практически не было никаких помех для реализации этого плана. Вот в рамках этой цели и надо рассматривать реструктуризацию сельской школы, которая означает уничтожение села. Там, где погибает школа (а мы с вами видим, что это происходит со скоростью 600 с лишним школ в год), следует уничтожение сельского образования. Идёт убыстряющийся с каждым годом процесс высвобождения наших территорий. И какие бы мы ни делали ссылки на демографические проблемы, это не более чем формальные ссылки. Поэтому, как ни грустно это признать,

практически осуществляется широко-масштабная программа российского геноцида.

Не случайно и то, что сельская школа переходит на новый принцип финансирования — принцип, который фактически приведёт её к полному и окончательному уничтожению. Нормативно-подушевое финансирование означает, что через некоторое время не 600, а 1600 школ в год будут закрываться. На те мизерные деньги, которые будет выделять государство, и не напрямую, а через муниципальные органы власти, школа не проживёт, останется без средств к существованию и будет обречена на гибель.

Думаю, что в решении проблем школы и села огромную роль мог бы сыграть журнал «Народное образование», если бы он разъяснял ситуацию, происходящую не только в селе, но и во всей системе российского образования. Сегодня необходимо развеять ряд опасных мифов. Один из них — миф о том, что Единый государственный экзамен позволит детям из отдалённых сёл, из отдалённых краёв и областей поступать в самые престижные российские вузы в Москве и Санкт-Петербурге. Это совершенно не соответствует действительности. Если сельские дети будут обучаться в школах, где нет мебели, нет учителей, не созданы элементарные условия, никакой ЕГЭ им не поможет. Создание нормальных условий для существования школы — единственная возможность преодолеть существующие проблемы. Мы сегодня должны чётко говорить о том, что ведётся целенаправленная политика по разрушению российской системы образования — в целом и сельского образования — в частности. Разорвать звенья этой цепи — задача образовательного сообщества, понимающего, куда мы идём и чем это грозит всем нам и государству...

Владимир Орлов, старший научный сотрудник Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО:

Несколько лет шла реструктуризация. Но кто подвёл её итоги? Какой экономический и педагогический эффект она дала? Сельской школе и детям села — ровно ничего.

— Сорок лет я связан с сельской школой, она моя боль. Я участвовал в комиссии по подготовке проекта о реструктуризации и был противником этого проекта. Но он принят. По закону без решения сельского схода школу нельзя закрыть. На деле два схода решают оставить школу, а её закрывают. Мы предлагали финансировать зарплату по классам, остальное — по нормативам, село очень отличается от города. Но предложение это Министерство образования и науки не приняло. В Министерстве финансов сказали: на это нужны средства.

В Коломенском районе посчитали, во что обходится школьный автобус. Оказывается, что легче школу содержать, чем этот автобус. Несколько лет шла реструктуризация. Но кто подвёл её итоги? Какой экономический и педагогический эффект она дала? Сельской школе и детям села — ровно ничего.

Необходимо вводить коэффициенты в зависимости от характера школ, 80% основных школ у нас закроется, потому что в них наполняемость классов 12 человек.

А модернизация образования? Хвалимся — Интернет у нас везде! Мы в институте исследование провели и выявили: 20% школ компьютер не изучают — нет преподавателя. В 50% школ преподают учителя, которые чуть-чуть знают компьютер. Я уже не говорю о программном обеспечении — директора судили за использование нелегальных программ. Кто этим должен заниматься?

Сельской школе нужна особая программа, особый учебник, которые учили бы любить землю, природу. И жить детям надо в своём селе, а не кататься по 40 минут, а то и по часу в школу и столько же из школы.

С.М. Комков, председательствующий в этот период слушаний, кратко комментирует выступление В. Орлова:

— Вся программа «Школьный автобус» списана из американской

программы. В США ездили специалисты Министерства образования и науки на стажировку. Они изучали эту программу и попытались перенести с благоустроенной американской территории, где прекрасные дороги, на нашу почву, не понимая, чем это всё кончится.

Слово предоставляется **Егорову**, директору Центра образования «Горки».

— Директором сельской школы являюсь всего один год. Школа в Горках Ленинских в советское время была образцово-показательной сельской школой, куда привозили делегации со всего Советского Союза и показывали, какой должна быть сельская школа. Но вместе с развалом страны интерес и к этой школе пропал, и она потихонечку умирала: 2 тысячи квадратных метров разрушенных пустых зданий. Мы сейчас делаем всё для того, чтобы восстановить мастерские. Понимаю, что в одиночку нам это не поднять, что должна быть государственная программа восстановления такой школы. Пытаемся оживить контакты с социумом.

Поддержал нас, помогает нам сельский батюшка, который правильно понимает задачи воспитания сельских детей. Мы строим футбольное поле, волейбольные площадки. Будем детскую площадку строить вместе с батюшкой на его собственные деньги и на деньги учителей.

Жители сёл помогают, нашёл человек, который ремонтирует мебель. За два месяца вместе с ребятами он восстановил в одном классе парты, новые парты сделал, новые доски. Дети заняты делом — нужным! Теперь на меня подаю в прокуратуру: «Директор зарабатывает деньги, занимается предпринимательской деятельностью»...

Директор Андрейковской средней школы Вяземского района Смоленской области, заслуженный учитель России **Тамара Якушева** подняла вопрос о том, что сельских детей надо учить возрождать те традиции, которые бытовали на

селе веками — валять валенки, стричь овец, бить шерсть... Но педагогам не дали этого делать: нельзя такую работу детям выполнять.

— Тогда мы взяли 17 гектаров земли и посеяли ячмень. Вырастили, потом не знали, куда его деть. Никто не брал зерно. В школе была теплица, мы зарабатывали деньги, выращивая зелёный лук в течение зимы. Но нас душили налогами. В этом году организовали платные секции в плавательном бассейне при школе — в них есть потребность. Но заработали копейки — всё ушло на налоги. И остался для труда только пришкольный участок. У нас образцовый участок, мы на нём выращиваем столько овощей, что их хватает школьной столовой до нового урожая.

Сегодня школа перешла на подушевое финансирование. Теперь нет школы полного дня, да и дошкольных групп не будет, потому что работу с дошкольниками не финансируют. И очно-заочной школы у нас не будет... А ведь мы уже вышли на дистанционное обучение, учителя разработали методические рекомендации, мы с детьми из соседних сельских школ общались. В учебном году мы этого всего лишимся.

Преподаватель Воронежского государственного педагогического университета **Ольга Емельянова** остановилась на адаптации детей-мигрантов в сельской школе. В Воронежском государственном педагогическом университете в течение нескольких лет функционирует международная межвузовская научно-практическая лаборатория по адаптации личности в современных условиях. В области много детей вынужденных переселенцев, к ним сегодня прибавились мигранты. У детей трудности с языком, отсюда и в учёбе; повышенная тревожность, дети стесняются отвечать на уроке, многие обучались по программам, которые не совпадают с российскими. И родители, и дети жалуются на трудности адаптации к новым программам. Во многих

школах реализуются экспериментальные программы обучения детей-мигрантов русскому языку, математике, физике, истории.

Валерия Шварц, директор православной гимназии «Рождество» Истринского района Подмосковья считает, что главное сегодня и в городской, и в сельской школе — воспитание детей. Но, по исследованию учёных, только 3% директоров сельских школ считают себя по преимуществу воспитателями.

— Может ли школа стать социокультурным центром, если директора не осознают себя носителями тех идей, того культурно-воспитательного пласта, которые будут передавать школьникам и жителям села?

Среди огромного количества сельских школ сегодня существуют школы конфессиональные, в частности православные. Православной общеобразовательной школе в России уже 15 лет. Своей главной задачей она ставит духовно-нравственное воспитание. За 15 лет накоплен опыт, который можно обобщать и о котором можно вполне серьёзно говорить. Этих школ немного. На всём огромном пространстве сельского образования России их всего 150 и учеников в них всего около 10 тысяч.

Православные школы находятся в особой ситуации. В силу особенностей законодательства они вынуждены регистрировать своё существование как негосударственные образовательные учреждения. А это значит, они не имеют никакой поддержки от государства, даже минимальной. А ведь задачи, которые решают православные школы, — государственной важности. До 50% семей, дети которых обучаются в православных школах, — это многодетные семьи. Вот вам один из путей решения демографической ситуации.

В заключение слушаний председательствующий предоставляет слово для короткого заключения **Алексею Кушнису**:

— Здесь прозвучала тревога по поводу того, что труд мешает учёбе, что мы противопоставляем эти виды деятельности. Никакого противопоставления, никакого вреда учебному процессу в призыве к производственной занятости детей нет и не может быть. У Макаренко труд организованно осуществлялся взрослыми, дети туда втягивались педагогически аранжированно. И благодаря своей ранней социализации эти дети себя и в учёбе проявляли мотивированно. Нам необходима производственная занятость детей, чтобы не болтались, чтобы руками прирастали к делу и чтобы верили, что жизнь может быть прекрасна там, где ты родился.

Хватит нам плодить людей-«перекати поле». Сегодня сплошь и рядом сельские дети говорят: «Мы здесь жить не будем никогда». Таких — 80 процентов. У них нет выбора остаться в селе. Школа лишила их этого выбора, не дав им возможности обрести способы жизни в селе.

Я вижу смысл общественных слушаний и нашей дальнейшей журналистской работы в том, чтобы поискать ключевые решения. Здесь присутствуют директора школ. Кому-то из них по конкурсу дадут миллион, он может купить компьютерный класс, может на полгода улучшить материальное положение учителей школы, а может купить станок, который будет давать ежемесячно ещё миллион. Конечно, здравомыслящий директор выберет станок. Но вся нормативная база образования этому категорически препятствует: никакой самоорганизации! Поэтому в нашем итоговом документе надо отразить требование — создать условия для реальной школьной хозяйственной автономии, обеспечить школу государственным заказом на продукцию, то есть гарантировать выкуп продукции, какую бы школа ни произвела, если продукция соответствует кондиции. Больше ничего не надо — никакого словоблудия. Надо всего лишь один вопрос решить законодательно: хватит

школу и директора держать на коротком поводке, когда он ходит и выпрашивает копейку, всего боится, особенно заработать собственными руками миллион.

Сельская школа всё равно будет развиваться в логике тех тенденций, по которым только и может развиваться сельское хозяйство. А сельское хозяйство развивается так: узкая специализация на самом эффективном виде продукции для данной климатической зоны, для данной почвы при высокой технологизации труда. Самой яркой моделью этой тенденции является Япония: одна деревня — один продукт. В этой деревне выращивается такая морковь, которую не может вырастить ни одна другая деревня... Вся Япония ест эту морковь. А в другой деревне засахаренная вишня особого сорта. И больше нигде, потому что для этой вишни нужны условия этой деревни, которая поставляет вишню на все кондитерские фабрики мира. У нас есть возможность так развиваться. Поэтому сельская школа и должна быть сегодня в первую очередь технопарком, который создаёт образцы высокотехнологичного, сверхрентабельного труда.

И государственная политика в области сельской школы — обеспечить в ней инфраструктуру высокопроизводительного труда. Вот ключевое решение.

Завершил парламентские чтения

Олег Смолин:

— Абсолютно правы те, кто говорит, что сельского ребёнка нужно учить труду на земле и любви к сельскому образу жизни. Почвенники в этом смысле абсолютно правы, но и критики отчасти тоже правы. Нельзя ограничивать возможности сельского ребёнка стремиться к чему-то. Позвольте из личного опыта. Я сельский ребёнок по рождению. Когда мои родители собрались переезжать в город, я возражал, не хотел покидать один из первых садов в Северном Казахстане, которые развёл мой отец, учитель математики и директор школы. Теперь я понимаю, что они

правильное решение принимали по одной простой причине: возможности незрячего парня в селе были бы совсем другими, чем в городе.

Здесь спорили: что главное: образование или производительный труд? Конечно, образование. Но и Макаренко, и многие специалисты абсолютно правы: без производительного труда нет сторонней личности, а в селе тем более. Шёл спор и о том, что приоритетно — государственное финансирование или собственные заработанные деньги. Конечно, государственное финансирование. Мы не можем превращать школу только в самофинансируемую организацию. Но самое печальное, что государство мешает тем, кто хочет зарабатывать вопреки безобразиям государственного финансирования.

Алексей Михайлович Кушнир абсолютно прав, когда говорит, что школу держат «на коротком поводке». Но дело в том, что и этот поводок сокращается. А удавка увеличивается, потому что закон об автономном учреждении в совокупности с поправками в Бюджетный кодекс означает следующее: или вам дают жалкие гарантии жалкого финансирования, или вам дают экономическую свободу, но при этом лишают гарантий. Я убеждён, что надо было идти прямо противоположным путём. Надо принимать закон об автономии всех образовательных учреждений, что особенно важно для сельской школы.

Теперь по некоторым проблемам, которые здесь затрагивались. Национальный проект «Образование» в 2008–2009 гг. свёртывается наполовину, а с 2010 г. почти целиком. То есть практически всё пытаются сбросить с федерального уровня финансирования на регионы и местное самоуправление. Сообщаю вам для справки, что за это же время Стабилизационный, а теперь Резервный фонд вырастет примерно с 3 триллионов рублей до 4,5. Радуйтесь. Кому только от этого стало легче?

Что касается реструктуризации. Я не радикал, но я разделяю жёсткие оценки, считаю, что закрытие сельской школы в большинстве случаев это моральное преступление. И сейчас мы можем говорить только о двух сценариях. Первый — повторение истории дошкольных образовательных учреждений: сейчас позакрываем, потом начнём снова открывать с гораздо большими издержками. Не век же мы будем в демографическую яму валиться. Потом будем снова школы открывать, но это станет намного дороже.

А худший сценарий — исчезновение массы сельских школ с прогнозом Набокова: «Культура останется, а народ исчезнет». Мы очень любим ссылаться на американский опыт! Но в Америке развивается американская однокомнатная школа, а во всей Европе действует принцип: малое — прекрасно.

Беда ещё и в том, что не закрепляются на селе кадры. Есть два пути преодолеть этот недуг. Либо мы заключаем договор о том, что студент должен, получив образование, вернуться туда, откуда он приезжал. Но это паллиатив. Ключевая позиция проста: хорошая зарплата и жильё. Сегодня всем известно, что первое место снизу по зарплате занимают работники сельского хозяйства, кроме летних месяцев, когда они выходят на второе место снизу и опережают работников культуры. Вот так мы ценим и хлеб, и культуру.

Я абсолютно согласен с тем, что проблема села — это и проблема удержания территорий. И даже понятно от кого. В своё время в «Парламентском часе» я сказал, что если не изменим политику, то через какое-то время Сибирь заговорит по-китайски, а Европа по-турецки. Я уважаю все народы, но не хочу, чтобы Россия превратилась в часть какого-то другого государства.

Подушевое финансирование для сельской школы, если оно будет внедряться, — смерти подобно. Поэтому считаю, что мы должны внятно предложить другую схему, другие нормативы финансирования для сельской школы. Это совершенно очевидно. И, наконец, статус учителя. Я не верю, что это нерешаемая проблема. В своё время действовал закон, в котором говорилось о средней ставке образования выше средней зарплаты в промышленности. В 2004 году отменили 54-ю статью закона. Потом была другая версия, предлагалось приравнять педагогического работника по условиям труда и социальным гарантиям к государственным служащим. Цена вопроса — около 440 миллиардов рублей. Да, дорого. Но это всего лишь четвертая часть дополнительного дохода в бюджет 2007 года. Если говорить о законодательных предложениях, то они очевидны: специальные нормативы и специальная схема финансирования для сельской школы, восстановление в полном объёме налоговых льгот для всех образовательных учреждений, изменение в Бюджетный кодекс, и конечно, закон о резком повышении статуса педагогов — приравнять педагогов по условиям труда, социальным гарантиям и материальному обеспечению к государственным служащим. Труд педагога не менее важен, чем труд государственного чиновника.

Хочу поблагодарить всех участников слушаний — сельских педагогов, директоров школ за то, что они выполняют свой долг и самоотверженно несут свой крест.

**Материалы парламентских
слушаний подготовила к печати
Нина Целищева**